

Библиотека
психоанализа

Джоан
Симингтон

Невилл
Симингтон

К линическое мышление Уилфреда Биона

Библиотека психоанализа

Джоан Симингтон

**Клиническое мышление
Уилфреда Биона**

«Когито-Центр»

1996

УДК 159.9
ББК 88

Симингтон Д.

Клиническое мышление Уилфреда Биона / Д. Симингтон —
«Когито-Центр», 1996 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-324-8

В книге рассматривается концепция одного из самых самых глубоких мыслителей в истории психоанализа – У. Биона. Через призму психоаналитической практики, а также с привлечением анализа личности и биографии Биона анализируются введенные им теоретические конструкты и созданный им фундаментальный инструмент психоаналитического исследования – Таблица. Книга призвана помочь читателю глубже понять идеи У. Биона в их структурном единстве. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-324-8

© Симингтон Д., 1996

© Когито-Центр, 1996

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Структура книги	8
Глава 1	10
Бион и группа Кляйн	16
Глава 2	18
Детство	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джоан Симингтон, Невилл Симингтон Клиническое мышление Уилфреда Биона

Посвящается Эндрю и Дэвиду

**Библиотека
психоанализа**

В оформлении использован рисунок первого российского психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М. И. Давыдовой.

Joan and Neville Symington

THE CLINICAL THINKING OF WILFRED BION

New York

«Brunner-Routledge»

2004

All Rights Reserved.

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

Перевод с английского

М. А. Якушиной

Научные редакторы

М. В. Ромашикевич,

А. Е. Шутков

© Joan and Neville Symington, 1996

© «Когито-Центр», 2010

Благодарности

В своих попытках охватить и понять мышление Уилфреда Биона мы обращались за советом и помощью к ряду коллег и друзей. Есть четыре человека, которых мы хотели бы поблагодарить особенно: это Билл Стюарт, Сидни Кляйн, Боб Гозлинг и Франческа Бион. Билл, австралийский философ, в особенности заинтересовался нашим проектом и не поленился писать нам длинные письма и поставить Биона в философский контекст, что было бесценно. Сидни Кляйн очень поддерживал нас в нашей работе, анализируя наши идеи, когда они оказывались противоположными или вступали в противоречие. Его независимость от группового давления и способность видеть особый вклад Биона в современную аналитическую теорию служили для нас источниками вдохновения. Особенно ценно было получить информацию от одного из анализантов Биона. Боб Гозлинг щедро делился с нами информацией о своем опыте прохождения анализа с Бионом, что дало нам понимание Биона, недоступное из других источников. Франческа Бион встретила с одним из нас, с готовностью поделилась информацией о своем покойном муже и продолжала посылать нам материал, который считала интересным.

Мы хотим также выразить благодарность Эллиоту Жаку, который прояснил для нас отношение Мелани Кляйн к философии и религии; Вилли Макинтайру, который пролил свет на те аспекты работ Биона, которые нам не приходили в голову; Айзабел Менцес-Лид – еще одному анализанту, – рассказавшей нам о своем опыте работы в группе, которую вел Блон; Иске Виттенбергу и Френсису Тастину, которые дали нам подробный отчет о своем опыте анализа с Бионом; Альберту Мэйсону, который рассказал нам несколько интересных случаев и позволил пользоваться тем, что он сам написал о Бионе; а также Эдвине Уэлхем, которая дала нам заказ на написание этой книги и терпеливо ждала появления нашей рукописи.

Наконец, мы хотели бы поблагодарить самого Биона. Нам посчастливилось присутствовать на нескольких его семинарах в Тавистокке, а также в институте психоанализа, и мы были вдохновлены глубиной его ума и ясностью его выражений. Он весьма значительно обогатил наше понимание. Мы надеемся, что в данной книге нам удастся хотя бы отчасти передать это.

Предисловие

Мы все жаждем существовать, как сказал Блон на одном из своих семинаров. Жизнь, по высказыванию Бергсона, есть тенденция оказывать воздействие на материю. Человек произошел от человекообразных обезьян, те от низших приматов, приматы – ветвь в развитии млекопитающих, млекопитающие произошли от рептилий, и так далее. Эволюция отмечает собой тот путь, по которому проходит *elan vital*¹ в своем поступательном движении. Человек – еще не конечный его продукт; *elan vital* все еще не завершен. Показать пройденный путь – не значит дать объяснение самой жизни. Этот путь определяется через цепочку причинных связей, но они ничего не скажут нам о жизни как таковой. Куда стремится жизнь, нам неизвестно.

В нашем изучении идей Блона мы хотели бы сохранить верность его методу исследования. Поэтому в своих размышлениях о нем мы не будем следовать за линией причин и следствий. Мы хотим ухватить идеи как таковые, а не путь, которым он пришел к ним. Вы не можете наблюдать саму жизнь, но вы можете видеть ее проявления. Человек упал с коня, конь затем рухнул и перекатился на него сверху, и вот он лежит недвижимый на земле. Люди собрались вокруг, говоря, что он мертв, но ему с трудом удалось приподнять мизинец, и это оказалось знаком, достаточно заметным, чтобы показать стоящим рядом, что он жив. Поднятый палец – проявление жизни, но не сама жизнь.

Итак, наш метод состоит в том, чтобы рассматривать темы, каждая из которых есть проявление мысли Блона, но не вещь-в-себе. Каждое такое проявление находится в связи с другим – не в причинной связи, а во взаимозависимости. Мы постараемся объяснить их, как сумеем, убрать, насколько возможно, лишний мусор, указать на те проявления, которые кажутся наиболее важными, но только вы сами, читатель, сможете ухватить мысль как таковую – отображение жизни.

Мы уверены, что этот метод соответствует тому, что является центральным для Блона, ведь он пытался понять жизнь самого разума, в противоположность тем аналитическим школам, которые были сосредоточены на патологических процессах, тем самым отвлекая внимание от жизни разума как такового.

Мы решили пойти этим путем, вместо того чтобы следовать хронологии развития его идей. Это потребовало бы научных исследований, для проведения которых у нас нет ни времени, ни способностей. Мы адресуем эту книгу скорее просто образованному читателю, который хочет понять основные контуры мышления Блона, чем специалисту. Мы надеемся также, что этот подход будет полезен для клиницистов с практической точки зрения. Эта книга отличается от книги Блеандону (Bleandonu, 1994) тем, что все внимание нацелено на понимание деталей клинической теории Блона. Книга Блеандону является биографической и ставит эпистемологию Блона в ее философский контекст. Мы сосредоточились на понимании идей Блона применительно к клинической практике. Наша книга предназначена в особенности для тех специалистов, которые стараются найти применение идеям Блона в своей собственной работе с пациентами. Серьезно изучающему Блона понадобится прочесть обе книги; они дополняют одна другую. Эта книга не освобождает читателя от усердного напряжения мысли.

Психоанализ глазами Блона есть радикальный отход от всех концептуализаций, которые предшествовали ему. Мы без малейших колебаний заявляем, что Блон – глубочайший мыслитель в рамках психоанализа – не исключая Фрейда. Если читатель не испытывает шока, если он не потрясен, обнаружив, что все прежнее его понимание теперь поколеблено, если он не ахает от ужаса, осознав, что приходится начинать все с начала, значит, мы потерпели прискорбное поражение, не выполнив поставленную перед собой задачу, и книга оказалась неудачной.

¹ Жизненный порыв (*фр.*).

Структура книги

Зрелые взгляды Биона вырабатывались с 1953 по 1967 год. За эти четырнадцать лет он написал восемь статей и три книги. В этот период он достиг некой кульминации своего понимания. *Attention and Interpretation* (1970), *Brazilian Lectures* (1990), *A Memoir of the Future* (1991) и многие другие лекции и семинары в Новом Свете и в Англии (куда он часто приезжал в последние годы жизни) – все были продолжением прозрений, достигнутых в этот крайне важный период, и являются логическим, хотя и богатым художественными образами результатом понимания, достигнутого им в этот центральный для развития его идей период. Кроме того, первое бледное предвестие его зрелой теории можно видеть в работе о группах. Схема, вокруг которой располагаются символы и структура его зрелых идей, – это Таблица. Поэтому концептуально мы расположили Таблицу в центре и в своих рассуждениях будем двигаться от нее к периферии и вновь возвращаться к ней. Многие люди хватаются за голову, впервые увидев Таблицу. Однако усилия, затраченные на попытки ее понять, более чем вознаграждаются. Те, кто проявил упорство и приложил труд, чтобы понять Таблицу, имеют хороший шанс ухватить самую сердцевину идей Биона. В попытке прояснить центральные моменты его понимания аналитического процесса мы проиллюстрируем некоторые аспекты его более поздних работ, но не станем посвящать этому отдельной главы.

Бион сформулировал и сконденсировал свои идеи в Таблице. Поэтому структура книги отражает наши попытки пояснить ее. Некоторые главы содержат прямое описание отдельных ее аспектов, но и другие, которые могут показаться более отдаленными от нее, можно рассматривать по отношению к ней, и она прольет на них свет. Например, Глава 2, о характере Биона, может быть понята по-новому в свете Таблицы. Его характер отражает уверенность в том, что единственный способ понять психическую реальность – это интуитивное ее познание, а единственный способ знать О – это *стать* им, что отразилось в простоте его характера. Его теория протоментальной системы, представленная в книге *Experiences in Groups* (1961), предвещает его более зрелую концепцию β -элементов. Поэтому, по нашему мнению, Таблица имеет центральное значение для понимания любых идей Биона, и именно по этой причине мы придали нашей книге такую структуру. В последней главе мы пытаемся показать единство структуры идей Биона. Такое единство есть знак великого мыслителя. В этом единстве – та обезоруживающая простота, за которой кроется великая глубина.

Таблица

	Опреде- ляющая гипотеза 1	ψ 2	Обо- значе- ние 3	Внима- ние 4	Иссле- дова- ние 5	Дейст- вие 6	...n
A β -элементы	A1	A2				A6	
B α -элементы	B1	B2	B3	B4	B5	B6	...Bn
C Мысли сновидения, сновидения, мифы	C1	C2	C3	C4	C5	C6	...Cn
D Пре-кон- цепция	D1	D2	D3	D4	D5	D6	...Dn
E Концепция	E1	E2	E3	E4	E5	E6	...En
F Понятие	F1	F2	F3	F4	F5	F6	...Fn
G Научная дедуктив- ная система		G2					
H Алгебра- ические вычисления							

Глава 1

Теоретические расхождения между Бионом и Фрейдом/Кляйн

*Проникновение в суть истины – это вспышка, которая в живом разговоре на серьезные темы уносит нас за пределы слов.
(Murdoch, 1992, p. 174)*

Бион говорил, что отсутствие воспоминаний или желаний есть то состояние психики, которое лучше всего подготавливает аналитика к предстоящей клинической сессии. Мы полагаем, что для того, чтобы понять Биона, необходим такой же внутренний настрой. Большинство аналитиков подходят к идеям Биона, исходя из того, что он следует модели психики по Фрейду или Кляйн, но это предположение ошибочно и препятствует пониманию его прозрений относительно психической жизни.

Один католический священник рассказал нам о себе такую историю. Когда он был ребенком, ему говорили, что крещение есть таинство, которое смывает с души первородный грех. В богословской семинарии он узнал, что это определение неверно, и заменил его пониманием крещения как внутреннего обязательства жить по-новому. Масло рукоположения едва успело просохнуть на его руках, как он отправился обучать класс школьников смыслу крещения. В начале урока он задал им вопрос: «Что есть крещение?» Они все ответили хором: «Крещение есть таинство, которое смывает с души пятно первородного греха». Затем священник сказал им, что это определение неправильное и что вот теперь он посвятит урок объяснению того, что есть крещение. Он объяснил, как крестили крестителей, как древние христиане входили в воды в белых одеждах, символизирующих смерть прежней жизни и возрождение в новой и обязательство служения Господу и ближним своим. Он объяснил, что крещение есть новое рождение, что это не смывание грехов, а начало новой жизни. В своем энтузиазме он показывал фотографии и давал объяснения, как ему казалось, интересные, всей церемонии. Он пытался также показать, что крещение есть некий способ обратить сердце свое к новому видению жизни. В конце урока он спросил учеников: «Что есть крещение?» И они ответили хором: «Крещение есть таинство, которое смывает пятно первородного греха с души».

Когда у нас в уме уже есть модель или теория, это может мешать постижению нового. Нам представляется, что как раз те, кто лучше всех знаком с теориями психоанализа, вероятно, не смогут постичь того, что предлагает Бион. Они подобны тем школьникам, которых пытался учить священник. У нас нет никаких причин ожидать, что наши попытки обучать идеям Биона специалистов в области психического здоровья окажутся сколько-нибудь более успешными, чем усилия того католического священника. В точности как те дети, мы полны глубоко укорененных установок, которые не дают нам увидеть реальность, а обучающие аналитики, к несчастью, нередко чрезвычайно прочно прививают собственные взгляды своим пациентам.

Для того чтобы нарисовать что-нибудь, необходимо отбросить множество мысленных установок. Я могу видеть и знать, что стол передо мной отделен от книжного шкафа, возле которого он стоит, но зрительно они могут быть одно – между ними нет никакого различия. Поэтому для того, чтобы нарисовать их, мне нужно забыть то, что я знаю, чтобы увидеть находящееся передо мной. Точно так же в ответ на вопрос о том, какого цвета стена передо мной, я могу ответить, что она белая, тогда как на самом деле на ней присутствует множество цветовых оттенков, создаваемых тенью и отраженным светом. Если я хорошенько присмотрюсь, может оказаться, что нет ни одного участка стены, который бы был белым.

Отправной точкой Биона является феноменология самой аналитической сессии. Он рассматривает сессию и составляющие ее элементы. В их число входит эмоциональная атмосфера, чувство сессии, эмоциональное состояние аналитика и его мысли, чувства и желания. Фокусом исследования являются внутренние процессы психики. Необходимо подчеркивать вновь и вновь, что в качестве отправных точек Блон идет от явлений, с которыми мы сталкиваемся в ходе аналитической сессии. Для того чтобы дать развернутое описание этих явлений, он пользуется понятиями из философии, математики и психоанализа точно так же, как мы пользуемся языком, чтобы описать пережитое, но прояснить он пытается само переживание. Блон описывает явления, используя для этого теории. Он пользуется теориями, моделями и мифами как языком для описания психической деятельности. Таким образом, то, что предлагает Блон, – это не теория, а дескриптивный анализ или дескриптивный синтез.

Этот анализ феноменологии нужно было проводить на основе каких-то принципов; принципы, выбранные Блоном, – это выявление истины и психический рост. Ум развивается через соприкосновение с истиной. Блон исследует процесс, в результате которого возникает истина, и процесс, который препятствует ее познанию. Это основа и это *единственная* установка, которую принимает Блон. Он анализирует все процессы, приняв эти две координаты за базовое допущение. Теории, которые он привлекает, используются им для того, чтобы обрисовать стадии этих процессов; они никогда не выступают в качестве основных ориентиров, на которых строится остальное. Поэтому любое использование теории всегда есть лишь временное средство, позволяющее обрисовать одну из стадий в развитии или разложении истины.

Ниже в этой главе мы предпримем попытку освободить разум от тех теорий, которые занимают так много места в психоанализе.

Фрейд был, как сказали бы философы, жестким детерминистом. Это означает, что событие всегда должно объясняться эффективной безличной причиной. Так, например, Фрейд высказал теоретическое положение, что симптом возникает из-за того, что сексуальное влечение натолкнулось на преграду и нашло в этом симптоме замену удовлетворению; это значит, что симптом возник вследствие этого препятствия на пути сексуального влечения. По представлениям Биона, такой причинной связи вовсе не существует. Пациент пришел в анализ, потому что страдал астмой и считал, что в основе этого лежат психологические факторы². Таким образом он озвучил причину, которая привела его в анализ; однако настоящая причина была столь же реальной, но ее было значительно труднее определить. Другой пациент хотел учиться на аналитика и решил пройти анализ, поскольку это было одним из условий обучения. Еще один пациент пришел в анализ из-за обсессивных симптомов, которые снижали его работоспособность. В каждом из этих случаев анализ был подчинен определенной задаче, которую нетрудно было описать прямо. Во всех этих случаях это были симптомы, тогда как внутренние затруднения, побудившие пациентов искать лечения, не были определены – как если бы они пришли к аналитику и сказали: «Я хочу анализа, но я не знаю почему».

Анализ раскрывает ту внутреннюю ситуацию, в которой состоит проблема. Таким образом, симптом – это благовидный предлог для анализа. Если я скажу: «Я хожу на анализ из-за астмы», или: «Я хожу на анализ, потому что я хочу учиться на аналитика», или: «Я хожу на анализ, потому что у меня была депрессия, после того как мой брак распался», это прозвучит более достойно, чем сказать: «Я хожу на анализ, потому что я не могу думать», или: «Я хожу на анализ, потому что я всю жизнь обманывал самого себя», или: «Я хожу на анализ, потому что я испоганил себе жизнь».

Анализ – это обнаружение внутренней истины. Пациент с астмой демонстрировал установки, которые были связаны с ней: он утаивал информацию о себе от аналитика, у него были периоды мрачного настроения, которые доводили до отчаяния его жену, он все делал впопы-

² За исключением отдельно указанных случаев, все примеры взяты из нашего собственного клинического опыта.

хах, он изливал потоки слов, которые не содержали мыслей, он требовал, чтобы аналитик вылечил его астму за два года. Но в основе этих симптомов крылась не блокированная сексуальность, а дьявольская злоба, которую он скрывал от самого себя. Единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что дело не в астме, не в obsessивных симптомах и не в желании стать аналитиком. За этим стоит точка зрения, что симптом, скорее, «вызван» чем-то конкретным, чем является прикрытием для истинной причины. Ни один пациент ни разу не пришел к нам на консультацию, чтобы сказать: «Я пришел в анализ потому, что я не способен любить». Вместо этого пациент приходит с некой историей для прикрытия: «У меня астма, и я начал думать, что она, возможно, вызвана психологическими причинами». Таким образом, симптом прикрывает истину. Симптом является также скрытым знаком истины для пациента. Идея о том, что он вызван блокированным сексуальным влечением, соответствует физикалистской антропософии. Такого рода причинное объяснение, говорит Блон, рационализирует чувство преследования. Это все равно, что сказать: «Все мои проблемы вызваны тем фактом, что у моей матери была депрессия после моего рождения», или: «У меня астма, потому что у меня заблокировано сексуальное влечение», или: «Все мои проблемы вызваны тем, что...»

Какова бы ни была причина – а на самом деле совсем неважно, какова она, – она оправдывает внутреннее чувство преследования. Поэтому предполагаемая причина есть часть параноидной констелляции. Блон говорит, что это преследование отрицается для того, чтобы избежать депрессии, которой человек боится. Пациент, который, как только тот или иной аспект его поведения становился очевидным, немедленно требовал от аналитика назвать его причину, поступал так затем, чтобы отогнать от себя депрессию, угрожающую затопить его. Когда человек понимает, до какой степени он чувствует себя преследуемым и насколько это преследование иллюзорно, он часто впадает в сильную депрессию.

Мы постараемся более ясно показать это на клиническом примере. Пациентка ненавидела своего отца. Очевидно, он обвинял ее в чем-то, чего она не делала, был груб и вульгарен и устраивал дома сцены. Это явилось «причиной» того, что она ушла из дому, как только смогла, и добилась положения преуспевающего юриста, не выдвигая никаких претензий, финансовых или иных, к своему отцу. Она вышла замуж в 21 год. У нее была экзема, бронхит и частые приступы кашля. Она пришла в анализ, потому что после того, как она испробовала целую батарею разных средств, ее лечащий врач предположил, что ее состояние может иметь психологическую основу. Во время анализа перерывы в лечении, как в связи с выходными, так и на время отпуска, служили ей поводом впасть в панику, и как только аналитик уезжал, у нее начинались приступы *tussis nervosa*³. В отсутствие аналитика он существовал у нее в уме как некий объект, неизменно находящийся в консультационном кабинете, и она знала наверняка, что сама она в его разуме не существует. Связь между собой и аналитиком она ощущала как физическую, а не психическую, и это ощущение укрепилось, когда на ранних стадиях лечения он стал предоставлять ей дополнительные сессии по выходным и в течение отпуска. Она часто присаживалась поесть на скамейке в парке возле нашего дома в Лондоне. Интерпретация, что она младенец, отчаянно цепляющийся за маму – держащийся за нее физически, – показалась ей осмысленной. «Когда кончается сессия и я выталкиваю вас за дверь, из спальни, то маленькая Мэри не хочет сдаваться, она остается у мамочки на ручках [на скамейке]». В то же время эта интерпретация привела ее в ярость, поскольку ее возмутило, что аналитик увидел в ней ребенка. Сама она считала себя зрелой и независимой женщиной.

Надо сказать, что эти факторы – физическое цепляние за аналитика, сопровождаемое мучительной внутренней уверенностью, что аналитик соблазнит ее сексуально; идеализация аналитика; внутреннее ощущение всемогущества; воинственная уверенность в своей правоте; обострения экземы; отсутствие психической репрезентации внешних фигур и в результате

³ Нервного кашля (лат.).

отсутствие способности думать – все это элементы некой эмоциональной констелляции. Одна из особенностей психоаналитического опыта состоит в том, что понять какую-либо эмоциональную констелляцию становится возможно только тогда, когда она начинает уступать место иному паттерну. И вот у этой пациентки начал-таки появляться иной паттерн. Его составляющие были таковы: деидеализация (способность воспринимать аналитика как человека, который совершает ошибки); уверенность, что аналитик ее не соблазнит; образ аналитика как человека, существующего среди других людей; замена всемогущества смирением; способность брать на себя ответственность за то «плохое», что произошло между ней и другими; значительно более редкие приступы астмы и проходящая экзема; психическая репрезентация аналитика и развитие способности думать. В свете этого нового паттерна она увидела, что ее прежняя система восприятия была искаженной. Однако в своей новой эмоциональной констелляции она начала осознавать реальные явления, которые ранее не были для нее бременем: сожаление, что до сих пор она строила свою жизнь, руководствуясь этими ложными впечатлениями; чувство вины за то, как она обращалась со своим мужем, с отцом и матерью; грусть оттого, что некоторые возможности оказались для нее закрыты. Ей пришлось вытерпеть личностное сожаление, вину и грусть. Она завязла в первой эмоциональной констелляции, чувствуя, что не способна вынести эти «темные» эмоции. Это показывает, что какое-то внутреннее ощущение их присутствия у нее было. Теперь же происходит выявление истины и вместе с этим зарождается надежда. Изменение заключается в принятии решения не избегать боли, а встретить ее лицом к лицу. Аналитик может быть свидетелем перемены в пациенте: того, как он переходит от избегания боли к встрече с ней, но не видит той причины, по которой он это делает.

Мы надеемся, что эти примеры помогут прояснить те факторы, которые действуют во внутренней жизни индивидуума, и что эти факторы несовместимы с представлением о влечениях или инстинктах как о безличных силах, которые являются *причиной* некоего состояния или симптома.

Такое явление, когда человек переходит от избегания боли к принятию страдания, прямо противостоит принципу удовольствия. Однако для Биона этот переход стоит в самом центре его теории развития, так что нам придется отбросить принцип удовольствия и его производные. Он говорит, что критической детерминантой психического роста является выбор индивида: «решает» ли он избегать фрустрации или терпеть ее. В ходе психоаналитического процесса аналитик делает интерпретации, относящиеся к внутренней боли, сожалению, стыду, чувству вины или депрессии. Под действием таких интерпретаций пациент переходит от избегания к принятию этих реальностей. В основе такой процедуры лежат теоретические представления о том, что принятие этих внутренних реальностей способствует психическому росту. Их принятие нельзя объяснить в рамках гедонистической теории Фрейда. Фрейд объяснял такое человеческое поведение на основе отсроченного удовлетворения, т. е. полагал, что человек отказывается от удовольствия сейчас в пользу большего количества удовольствия в будущем. Это предполагает наличие способности делать выбор не в пользу удовольствия в настоящем под влиянием суждения о том, что лучше отказаться от данного сиюминутного удовольствия, из чего далее, предположительно, следует, что действия индивидуума объясняются не более эффективной погоней за удовлетворением, а выбором, мотивированным желанием будущего блага. Однако Блон предполагает, что существует некий сдвиг от одной мотивационной категории, детерминированной желанием получить удовольствие и избежать боли, к другой, которая детерминирована стремлением к выявлению истины и жадой эмоционального роста. Поэтому каузальные представления, на которые в значительной степени опирается теория и практика Фрейда и которые глубоко укоренены в уме многих аналитиков, являются преградой тому, чтобы разум пришел к пониманию процесса развития. Точно так же и принцип удовольствия, столь важный для всей концепции Фрейда, противоположен мотивационному принципу Биона – истине. Идея того, что кто-то изберет боль, вместо того чтобы избегать ее, совершенно чужда

мышлению Фрейда, особенно с учетом представления Биона, что такое может произойти в самом начале жизни.

Понятие сексуального либидо по Фрейду есть препятствие пониманию дескриптивного анализа Биона: вот вам пример того, как непередмет [no-thing] занимает неподходящее для него место. В формуле Биона место сексуального либидо занял эмоциональный рост. В соответствии с представлениями Фрейда, глубоко закрепившимися в аналитическом мышлении, симптом есть результат того, что либидо находит иной путь выражения в обход преграды. Мы считаем, однако, что оно противоречит аналитическому опыту и придерживаться этого убеждения означает преграждать путь пониманию аналитического процесса. Кому-то может казаться, что в наиболее гуманистических представлениях психологии самости положения Фрейда также были пересмотрены. Однако более пристальное рассмотрение показывает, что за формулировками Кохута все еще стоят предпосылки Хартмана, в том смысле, что всем по-прежнему правит принцип удовольствия.

Как сказал Бергсон, нам неведомо, куда стремится жизнь. Блон в своем анализе пытается хранить верность одушевленной реальности. Поэтому он говорит, что употребление слова «механизм» неуместно, поскольку этот термин относится к неодушевленной, а не к живой природе. Термин «механизм», так часто используемый кляйнианскими аналитиками, чужд идеям Биона и является преградой пониманию бионовского анализа психики. Мы чувствуем, что это следует подчеркнуть, поскольку для нас очевидно, что многие кляйнианцы, пользующиеся термином «механизм» и в то же самое время считающие, будто следует Блону, тем самым демонстрируют, что они все еще рассуждают в пределах парадигмы теории Кляйн и не сумели понять Биона.

Блон перевернул теорию сновидений Фрейда. Если Фрейд считал, что функция сновидения – маскировать (и в то же время показывать) скрытое желание, то Блон считал, что его функция – синтезировать фрагментированные элементы в единое целое.

Фрейд считал, что функция мышления – снизить напряжение, тогда как Блон полагал, что мышление предназначено для управления напряжением. Таким образом, между идеями Фрейда и Биона имеется вполне фундаментальное различие: модель первого предполагала систему, функция которой состоит в том, чтобы устранить боль и фрустрацию, тогда как Блон выдвигает модель, в которой индивидуум способен переносить боль. Если Фрейд рассматривал мысль как способ живого организма достичь удовлетворения, то Блон считал мысль средством постижения истины, используемым индивидуумом, чтобы понять себя. Фрейд был сосредоточен на внешнем мире, который человеческое животное должно покорить, чтобы обеспечить удовлетворение жизненно важных потребностей, а Блон – на рефлексии осознающего себя индивидуума. В рамках концепций Фрейда для потребности индивидуума постичь самого себя места нет.

Самым неожиданным из понятий Фрейда, подвергшихся переформулировке, оказалось представление о полярности сознательного-бессознательного. Убеждение, что психоанализ основан на бессознательном и его отношениях с сознательным, принадлежит к числу наиболее бережно хранимых, и все же Блон считает, что эта идея мешает аналитическому пониманию. Блон считает, что оппозицию сознательное – бессознательное необходимо заменить на полярность конечное – бесконечное. Бесконечное не имеет ни формы, ни категорий, ни числа. Он цитирует Мильтона:

Возникший из безвидной пустоты
Безмерной, – мир глубоких, черных вод⁴

⁴ Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод Аркадия Штейнберга. – Прим. пер.

(Bion, 1965, p. 151),

чтобы продемонстрировать тот преобразующий процесс, посредством которого бесконечное становится доступным пониманию на конечном уровне. Мы надеемся, что в процессе чтения этой книги читатель постигнет эту полярность, но мы просили бы читателя освободить свой разум от понятий бессознательного и сознательного. Если не сделать этого, то, конечно же, оно мешает понять данный процесс. Сознательное означает осознание, и это может мыслиться как иная точка зрения на события. Эту иную точку зрения Бион назвал «вертекс». Иной вертекс сменяет теорию бессознательного и сознательного. Есть и еще один подводный камень в использовании термина «бессознательное». Создается впечатление, как будто бессознательное – некий предмет, так что люди произносят такие фразы, как «изгоняется в бессознательное», как будто это последнее представляет собой какое-то место внутри психики. Тогда как на самом деле нам нужно узнать, почему кто-то чего-то о себе не осознает. Как такое получилось – и есть тот вопрос, решением которого занимается Бион.

В клинической практике часто встречаются случаи такой полярности конечного – бесконечного. Мы приведем два примера. Человек пришел в анализ, потому что его жена внезапно заявила, что уходит от него. Аналитик сказал ему:

Похоже, есть два уровня: один – это ребенок, который добивается от меня, чтобы я делал вам одолжения; находил для вас время, которое для вас удобно, принимал вас в выходные и уделял вам особое внимание. Другой – это крики протеста, что вам не надо одолжений, поскольку они связывают вас и заставляют вас чувствовать себя «обязанным»; это жажда освободиться от давления того, что навлекает на вас избалованный ребенок.

Надо сказать, что это замечание имело смысл в контексте всего, что происходило с этим человеком на протяжении всей его жизни. Когда он был ребенком, его родители осыпали его всевозможными благами, но после этого он чувствовал себя обязанным им. Позднее он выбрал работу, которая не несла удовлетворения ему лично, тоже из чувства долга. Это одна из тех «жизненных проблем», которые значимы для большинства из нас; мы могли бы назвать ее вечной. Она имеет измерение, которое Бион назвал «бесконечное». Так вот непосредственный ответ пациента на эту интерпретацию был: «Может, вот что я делаю не так в отношениях с Джозефиной. Мне надо попытаться вести себя с ней иначе». Он немедленно сузил это. Он принял это не как интерпретацию, а как инструкцию относительно того, что ему надо *делать*. Он изменил категорию интерпретации с бесконечного на конечное. Борьба в анализе идет за то, чтобы не позволять конечному глушить бесконечное.

С отречением от схемы сознательное – бессознательное тесно связан отказ Биона от теории первичных и вторичных процессов – еще одного краеугольного камня корпуса фрейдистских представлений. Вместо этого Бион говорил о различных уровнях мышления, включая гипотетические понятия β -элементов и α -элементов. В мышлении психотика отсутствует или повреждена α -функция.

Последний бастион Фрейда, низвержение которого подразумевает подход Биона, – это структурная модель. Суперэго заменяется понятием паразитического, или взаимно сдавливающего интерактивного $\varphi\sigma^5$, который обедняет эмоциональность, изымая из нее смысл⁵; эго конечно – «Мне надо попытаться вести себя иначе с Джозефиной», – и оно заменяется эволюцией и появлением истины; а ид исчезает как излишнее. На одном из семинаров, которые Бион проводил в Тавистокке в конце 1970-х годов, он сказал, что не считает структурную модель полезной.

⁵ φ означает «содержащее, контейнер», σ означает «содержимое, контейнируемое». См. дальнейшее обсуждение в Главе 6.

Бион и группа Кляйн

Верные ученики Мелани Кляйн принимают ранние работы Биона, но с недоверием относятся к более поздним. Один из представителей старшего поколения кляйнианцев высказал мнение, что Бион не написал ничего заслуживающего внимания после *Elements of Psycho-Analysis* (1963). Другие полагают, что, покинув Англию, он утратил остроту ума и что все, что он написал после отъезда, следует отбросить как бессвязные измышления старого маразматика. Границей раздела между той частью его работы, которая приемлема для кляйнианской группы, и той, что неприемлема, будет, видимо, либо *Transformations* (1965), либо *Attention and Interpretation* (1970). Вопрос, к которому мы теперь обратимся, таков: почему поздние идеи Биона оказались неприемлемыми для некоторых кляйнианцев?

Мы полагаем, что первой причиной явилось введение им «О», впервые появившегося в *Transformations* и разрабатывавшееся далее в *Attention and Interpretation*. Бион так определяет О:

Я буду использовать знак О для обозначения того, что является высшей реальностью, описываемой такими выражениями, как высшая реальность, абсолютная истина, божественное, бесконечное, вещь-в-себе.
(*Bion, 1970, p. 26*)

О, таким образом, имеет метафорическое и религиозное значение. Мелани Кляйн оставалась равнодушна к религии и философии, но не была их противником (по личному сообщению Эллиота Жака, 1995). Некоторые из ее ближайших последователей, однако, были, как и Фрейд, определенно антирелигиозны и почти фанатично выступали против любой философской позиции, хоть немного отдававшей религией. Они твердо стояли на атеистической платформе Фрейда и вслед за ним были верны позитивизму. Когда Бион ввел О, являющееся по сути своей религиозным⁶ и метафизическим понятием, некоторые участники группы Кляйн поспешили, начиная с этого момента, отмежеваться от его идей.

Личный акт понимания является целью когнитивного и эмоционального усилия Биона. И пре-концепция в поисках реализации, и значимость *избранного факта* суть выражение этого стремления. Личный акт понимания по самой своей природе подрывает или грозит подорвать учение, полученное из вторых рук. Некоторые кляйнианцы стали хранителями новой ортодоксальной традиции – знакомое явление в истории научных движений. Его едко описал Кестлер:

Новая территория, открывающаяся в результате нетерпеливого продвижения вперед немногих гениев, становится плацдармом, который затем заполняется плотным строем посредственностей; и скоро революция превращается в новую ортодоксальную традицию, с ее неизбежными симптомами: односторонностью, чрезмерно узкой специализацией, потерей контакта с другими областями знаний и, в конечном итоге, отрывом от реальности. Мы видим, как это происходит – похоже, с неизбежностью – в различное время в истории различных наук. Возникнув, ортодоксальность затвердевает в «закрытую систему» мышления, не желая или будучи не в силах ассимилировать новые эмпирические данные или приспосабливаться к важным изменениям в других областях знаний.
(*Koestler, 1975, p. 225*)

⁶ Под «религиозной» мы понимаем такую модель человеческого существа, когда его интенциональность выходит за пределы непосредственных физических потребностей.

Поэтому предписываемый и поощряемый Бионом личный акт понимания становится угрозой для тех, кто стремится сохранить чистоту учения Мелани Кляйн. Такая позиция всегда наиболее остро направлена против тех, кто был вскормлен внутри научной культуры группы. Говорят, например, что Салман Рушди не сделался бы объектом *фетвы*, если бы не был пакистанцем и мусульманином по воспитанию. Когда человек, приняв новую персональную точку зрения, тем самым отделяется от группы, в которой был взращен, группа чувствует себя преданной и еще плотнее смыкает ряды.

Только из более поздних работ Биона – скажем, начиная с *Attention and Interpretation* – кляйнианцам стало вполне ясно, к чему ведут его более ранние идеи.

Бион был ближе к школе Кляйн, чем к любой другой, и многие из его ключевых понятий были напрямую позаимствованы им у Кляйн – проективная идентификация, расщепление, инстинкт смерти, параноидно-шизоидная и депрессивная позиции, – но он использовал их с иной точки зрения, в рамках новой метапсихологии. Он задействовал понятие инстинкта смерти в своих работах о психозе, собранных в сборник *Second Thoughts* (1967), но отказался от него, как только начал формулировать свою теорию в *Learning from Experience* (1962), *Elements of Psycho-Analysis* (1963) и *Transformations* (1965).

Кляйнианцев интересует психическая реальность, внутренние объекты, психические изменения – и Биона тоже. Где же пролегает различие между подходом Биона и подходом тех, кто остался верен Мелани Кляйн и Фрейду? Есть несколько аспектов, на которые мы могли бы указать: например, Кляйн больше сосредоточена на процессе психического развития и нарушениях, вызываемых в нем такими силами, как жадность и зависть. Подход Биона был более позитивным. Сфера его исследований была шире: его интересовало наше эволюционное прошлое, а также то, к какому будущему идет человечество. Это крайне важные направления мысли, но, как нам представляется, не в них суть. Бион начал с такой реальности, которая неизведанна, потому что непостижима, названной им О. Это совершенно чуждо кляйнианцам и их предтече Фрейду. Их отправная точка – неструктурированная совокупность инстинктивных импульсов. Здесь перед нами две фундаментально различающиеся модели человека, и это отличает Биона от кляйнианцев и фрейдистов. То, что Бион начинает отсчет от О, или высшей реальности, меняет его угол зрения. Психоанализ стал одним из выражений О; для Биона он послужил отправной точкой вхождения в область О. У слушателей Биона возникало вполне конкретное впечатление, что перед ними человек, занимающийся чем-то более обширным и глубоким, чем любая отдельная дисциплина, и это была позиция, которую не разделяли большинство его коллег ни из группы Кляйн, ни из любой другой группы в Британском психоаналитическом обществе или в любом из американских.

Бион пришел в анализ к Мелани Кляйн после Второй мировой войны и, по-видимому, настоял на условии, что он волен думать и реагировать так, как найдет нужным (Grosskurth, 1985, p. 427). Если это правда, то мы оказались свидетелями становления независимого мыслителя, находившегося под влиянием Мелани Кляйн, но не ее клона. Проблема отношений группы с таким человеком является предметом другой главы.

Читателю следует освободить свой ум, насколько возможно, от всех этих «догматов» психоаналитической веры. Приверженность этим теориям послужит препятствием пониманию того, как Бион анализирует аналитический процесс. Осознав, какой вызов Бион бросил теории Фрейда, испытываешь шок. Мы полагаем, однако, что если читатель попытается держаться за фрейдистские догмы, то он не поймет работ Биона. Бион использует некоторые из теорий Фрейда и некоторые из теорий Кляйн, и из-за этого аналитики склонны считать, что он работал в рамках их основных положений. Это неверно. Он использовал некоторые фрагменты их теорий для объяснения определенных явлений, но его аналитическое описание также предполагает отказ от некоторых основных догм теорий Фрейда и Кляйн.

Глава 2

Бион: его характер

*Какими бы дарами разума мы ни были наделены, отныне следует подавить их, и подчинить их невинности, простоте и истине.
(Newman, 1986, p. 114)*

Если бы можно было выделить некое центральное послание, завещанное Бионом потомству, это было бы: *Думайте и говорите то, что подсказывают вам собственное сердце и разум.* Он обратил свои мысли к анализу опыта. Естественно, речь в этом случае идет о его собственном личном опыте. В своей автобиографической работе *The Long Week-End* он рассказывает, как Ассер, один из служивших вместе с ним офицеров, предпочел быть застреленным противником, нежели сдаться. Его танк, со всем экипажем внутри, был окружен противником, и всем, находящимся в нем, приказано было сдаться. Каждый член экипажа выходил с поднятыми руками и сдавался противнику, а Ассер вышел последним, вцепившись в свой кольт, показывая, что намерен сражаться, и был немедленно застрелен. Об этом Бион писал:

Я знал в сердце своем, что, если враг достигнет наших окопов, я не смогу продолжать борьбу. Мне не понять такого мужества, как у Ассера. Я легко могу понять все *объяснения* этому, какие мне приходилось слышать, но я не могу понять само явление.
(Bion, 1982, p. 272)

Умственное усилие Биона было направлено на понимание *самого явления*. Само явление было настолько ужасно, что мы полагаем вероятным, что весь остаток жизни он провел, пытаясь осмыслить его. В юности, в возрасте девятнадцати лет, он прошел короткое обучение и был отправлен на фронт командовать танком под Ипром. Когда он стоял и разговаривал с другим офицером, Эдвардсом, он увидел, как тому вышибло мозги неожиданной пулей. Он видел, как Деспард, ирландец, командир танка, умер рядом с ним. Он был рядом с еще одним офицером, который на последнем вздохе просил Биона написать его матери. Как-то раз один немецкий солдат упрашивал его проверить, умер ли его друг. Он видел, как по глупости командующего пехотой три танка взорвались у него перед глазами, подымаясь на холм.

В первые три месяца войны союзники потеряли миллион человек убитыми. Бион был не единственным, кто прошел через такую ужасающую травму, но мы думаем, что он, вероятно, был одним из немногих, кто пытался ассимилировать и понять ее. Разум может либо диссоциироваться от такого ужасающего опыта, либо бороться за то, чтобы его осмыслить – осмыслить не только сам этот опыт, но и свои собственные реакции на него, которые от него неотделимы – будь то трусость или отвага. Нет ни тени сомнения, что Бион был человеком выдающейся отваги. В возрасте девятнадцати лет он столкнулся с кризисом ужасающих масштабов – не одним каким-то кризисом, а чередой кризисов, которые, следуя один за другим, составляют катастрофу. Его отвага не подлежит сомнению. Он был представлен к Кресту Виктории, но, отчасти из-за собственного нежелания, не получил его, однако вместо этого был награжден орденом «За особые заслуги».

Бион настаивает на собственной трусости. Мы полагаем, что это следует принимать буквально, при одном условии: читатель должен помнить, что индивидуум может знать о своей трусости, только если она не доминирует в его личности. Только отважный человек может знать о своей трусости.

Детство

Бион родился в Матхуре, в Объединенных провинциях Индии, в 1897 году у родителей-англичан, пытавшихся оставаться в том привилегированном сообществе, которое составляют английские джентри. Есть люди, которые в нем родились и имеют состояние, чтобы поддерживать его и делать его возможным, но есть также те, кто принадлежит к нему, но не имеют такого состояния и идут на крайние жертвы, чтобы сохранить свой статус. Родители Биона относились к этой последней категории. Он был рожден членом того класса, который Джордж Оруэлл, сам к нему принадлежавший, назвал «низший-высший-средний класс». Оруэлл говорит об этом классе так:

Я определяю его в терминах денег, потому что это всегда самый быстрый способ, чтобы вас поняли. Тем не менее, важная особенность классовой системы Англии заключается в том, что она *не может* быть полностью объяснена в терминах денег. Грубо говоря, это денежное расслоение, но оно пронизано также некоторой туманной системой каст; очень похоже на сбитое на скорую руку современное бунгало, в котором водились бы средневековые привидения. Отсюда тот факт, что к высшему-среднему классу могут, или могли быть, отнесены люди с настолько низким доходом, как триста фунтов в год, – что значительно ниже доходов людей из обычного среднего класса, без каких-либо социальных претензий...

Принадлежать к этому классу, когда ваш доход – порядка четырехсот фунтов, было делом сомнительным, так как это означало, что ваше дворянство почти чисто теоретическое. Вы жили, так сказать, на двух уровнях одновременно. Теоретически вы знали все о прислуге

и о том, как вести себя с ней, хотя на практике у вас был один слуга, в лучшем случае двое. Теоретически вы знали, какую носить одежду и как заказывать обед, хотя на практике вы никогда не могли позволить себе сходить к приличному портному или в приличный ресторан. Теоретически вы умели охотиться и ездить верхом, хотя на практике у вас не было лошадей, чтобы на них ездить, и ни дюйма земли, на которой охотиться. Именно этим объясняется привлекательность Индии (а позднее Кении, Нигерии и т. д.) для низшего-высшего-среднего класса. Люди, которые приезжали туда в качестве военнослужащих и чиновников, ехали туда не за деньгами, потому что военнослужащему или чиновнику не нужны деньги; они ехали туда потому, что в Индии, где есть дешевые лошади, свободная охота и орды черных слуг, легко было изображать из себя джентльмена.

В такого рода обнищавшей дворянской семье, о которой я говорю, значительно более выражено *осознание* своей бедности, чем в любой рабочей семье, поднявшейся выше уровня пособия по безработице. Плата за квартиру, покупка одежды и оплата школьных счетов превращаются в нескончаемый кошмар, а любая роскошь, даже стакан пива, становится недопустимым расточительством.

(Orwell, 1972, p. 106–108)

Всю свою жизнь Бион бился, пытаясь содержать свою семью и себя без капитала, этой неназываемой ценности высшего-среднего класса, в то же самое время вращаясь в кругу тех, кто ожидал от него богатства и, несомненно, считал, что оно у него есть. Когда он купил дом в Айвер Хит после Второй мировой войны, он слышал, как два джентльмена спрашивают,

у какого это дурака нашлось восемь тысяч фунтов стерлингов навывброс. Блон замечает, что восемь тысяч фунтов стерлингов досталось ему нелегко. У него не было никакого капитала, но считалось, что он у него есть. Мы полагаем также, что *одна* из причин, побудивших его отправиться в Калифорнию в 1968 году, состояла в том, чтобы заработать больше денег, чем ему удавалось в Лондоне, и таким образом скопить некоторый капитал для своих детей.

Существуют определенные признаки, отличающие английского джентльмена, которые мгновенно распознают члены этого сообщества и которым завидуют те, кто в него не входит. Выговор, небрежные жесты, пренебрежение к мелочам и сотни других признаков принадлежности к классу, которым нельзя научиться, но которые впитываются в этом дорогостоящем учреждении – британской частной школе. Затраты на то, чтобы послать сына в одну из этих школ, огромны, и родители Блона, должно быть, сэкономили каждую копейку, чтобы сделать это возможным, потому что, только добившись этого, они могли держать голову высоко поднятой. Однако им удалось послать его лишь в одну из наименее престижных школ. Блон рассказывает своему читателю, что во время всех тех *переходных обрядов*, когда он стремился войти и быть принятым в какой-нибудь новый коллектив, он чувствовал себя ниже других. Он не учился в Итоне, Харроу или Винчестере. Он чувствовал себя глубоко униженным, когда армейский призывной пункт поначалу отверг его; он чувствовал себя ниже других, когда он только появился в Оксфорде. К тому времени, когда он проходил интервью с деканом медицинского факультета Университетского колледжа в Лондоне в 1924 году, он смог подать ему один из необходимых знаков, заставивших принять его: ему довелось играть в крикет за сборную Оксфорда. Вслед за тем он сразу же сообщил, что был капитаном команды Оксфордского университета по плаванию, и это послужило рычагом. Он научился использовать знаки принадлежности к сословию джентльменов в свою пользу, когда это было необходимо.

Мальчики попадают в закрытую школу в возрасте либо четырнадцати, либо двенадцати лет, и этому должен предшествовать нелегкий период обучения в «подготовительной школе» – четыре или шесть лет. Так случилось, что маленького Уилфреда послали в школу в Англию из далекой Индии в возрасте восьми лет. Поэтому в системе закрытых школ он прошел «полный курс». Он дает читателю понять, что ему было очень трудно, но его выручали успехи в командных видах спорта. Он страдал от отношения взрослых к детям. Он говорит, что маленьким ребенком в Индии он пережил опыт, хорошо известный большинству англосаксонских детей. Когда он строил отношения с кем-то из взрослых, они часто смеялись над ним. Это заставляло его чувствовать себя ничтожным и приходить в ярость. Эти насмешки создали то, что психоаналитики называют плохим внутренним объектом. Это была пугающая фигура, которую он назвал «Арф Арфер». Чувство, что он уходит в себя, окруженный не понимающими его взрослыми, осталось с ним на протяжении всех десяти лет его обучения в школе, его травматического опыта в армии и сопровождало его всю оставшуюся жизнь. Этот уход в себя был не бегством, а тем, что французы называют *reculer pour mieux sauter*⁷

⁷ Отступить, чтобы дальше прыгнуть. – Прим. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.